

9-5

ЗНАНИЕ — СИЛА

2 1962

ЗЛОУМЫШЛЕННИКИ

А. СТРУГАЦКИЙ, Б. СТРУГАЦКИЙ

Рисунки Г. МАКАРОВА

(Глава из научно-фантастической повести
«Возвращение», выходящей в Детгизе)

Четверка обитателей 18-й комнаты была широко известна в пределах Аньюдинской школы. Это было совершенно естественно. Такие таланты, как умение изображать вой гигантского ракопаука с планеты Пандора, способность непринужденно рассуждать о девяти способах экономии горючего при межзвездном перелете и одиннадцать раз присесть на одной ноге, не могли остаться незамеченными, и все эти таланты не были чужды обитателям 18-й.

...История 18-й начиналась еще тогда, когда их было всего трое и у них не было еще ни отдельной комнаты, ни своего учителя. Но уже тогда Генка Комов, известный более под именем Капитан, пользовался неограниченным авторитетом у Поля Гнедых и Александра Костылина. Поль Гнедых был известен как очень хитрый человек, а Александр Костылин, охотно отзывавшийся на кличку Лин, стяжал себе славу в битвах, связанных с применением не столько ума, сколько физической силы. Втроем они делали все возможное, чтобы не дать заскучать воспитателям и старшеклассникам. Однако такие подвиги, хотя и покрывали их славой, не приносили желанного удовлетворения. И тогда Капитан решил принять участие в работе кружка юных космонавтов, открывавшей невиданные перспективы кручения на перегрузочной центрифуге и дающей возможность добраться до таинственного датчика космогационных задач.

С огромным изумлением Капитан обнаружил в кружке своего сверстника — Михаила Сидорова. Сидоров казался Капитану человеком надменным и пустоголовым, но первая же серьезная беседа с ним показала, что он по своим качествам намного превосходит Вальтера Сароняна, находившегося с тройкой в полуприятельских отношениях и занимавшего четвертую койку в только что выделенной им 18-й комнате.

Исторический разговор выглядел примерно так. «Что ты думаешь о ядерном приводе?» — осведомился Генка. «Старье», — кратко ответил Сидоров. «Согласен», — с интересом сказал Капитан и посмотрел на Сидорова новыми глазами. — А фотонно-аннигиляционный? «Так себе», — сказал Сидоров, покачивая головой. Тогда Генка задал ему свой коронный вопрос: какие системы представляются более обещающими — гравигенные или гравизащитные? «Я признаю только Д-принцип», — высокомерно объявил Сидоров. «Гм», — сказал Генка. — Ладно, пойдем в 18-ю, я познакомлю тебя с экипажем».

Через неделю, из 18-й с разрешения учителя ушел Вальтер Саронян, и на его месте водворился Сидоров. После этого Д-принцип и идея межгалактических перелетов воцарились в умах и сердцах 18-й прочно; казалось, навсегда. Так возник экипаж суперкосмолета «Галактион» в составе: Комов Генка — капитан, Сидоров — штурман и кибернетист,

Поль — ВМ-оператор, Лин — борт-инженер и охотник. Экипаж был полон светлых надежд и чрезвычайно конкретных планов. Были созданы генеральные проекты суперкосмолета «Галактион», разработан устав и принят совершенно секретный знак, по которому члены экипажа должны были узнавать друг друга. Угроза близкого и неминуемого вторжения

Началась эпоха смятений. Лин был пойман Капитаном за чтением «Курса простудных заболеваний в детском возрасте» и в ответ на резкий выпад твердо заявил, что намерен впредь приносить людям конкретную пользу, а не сомнительные сведения из жизни космических пространств. Капитан и штурман были вынуждены применить крайние меры убеждения, под давлением которых отступник признал, что детского врача из него не получится. Между тем в качестве борт-инженера или, на худой конец, охотника у него еще есть шансы стяжать себе бессмертную славу. На протяжении экзекуции хитроумный Поль сидел в углу и молчал, но с той поры взял за правило при малейшем нажиме шантажировать экипаж угрозами типа «сбегу в ларингологи» или «пусть учитель скажет, кто прав». Лин, слушая это, завистливо сопел. Сомнения разъедали экипаж «Галактиона». Сомнения грызли душу Капитана.

Помощь пришла из Большого Мира. Группа ученых, работавших на Венере, закончила и предложила на рассмотрение Мирового Совета практический проект дистилляции ат-

венно-технические данные стандартных атмосферогенных агрегатов;

2) по истечении указанного срока ранним утром — чтобы не беспокоить дежурного по школе — покинуть школу и добраться до Аньюдинской ракетной станции, где проникнуть в грузовой трюм какого-нибудь корабля возлезаемых сообщений и затаиться до финиша;

3) там видно будет!

План был встречен восторженными криками и одобрен двумя голосами при одном воздержавшемся. Воздержавшимся был Сидоров. Глядя на далекий горизонт, он с необыкновенным презрением отозвался о «вонючих агрегатах» и «бредовой затее» и сказал, что только чувства товарищества и взаимопомощи удерживают его от резкой критики плана.

Капитан промолчал и отдал приказ приниматься за дело. Экипаж принялся за дело.

* * *

Учитель Тенин пришел в 18-ю как всегда в четыре часа дня. В комнате никого не было, но в душевой обильно лилась вода, слышалось фырканье и ликующие возгласы. Экипаж «Галактиона» мылся после занятий в мастерских.

Учитель прошелся по комнате. Многое здесь было знакомым и привычным. Поль как всегда раскидал одежду по всей комнате. Система прозрачности стен и потолка расстроена — сделал это Сидоров. Клавиша поставлена у него в изголовье, ложась спать, он с ней играет. В комнате то становится совсем темно, то появляется ночное небо и луна над парком. Обычно клавиша портится, если Сидорова никто не остановит. Судьба Сидорова сегодня — чинить систему прозрачности.

На столе у Лина полный беспорядок, и тут ничего не поделаешь. Это именно тот случай, когда бессильны и выдумки учителя, и весь мощный аппарат детской психологии.

Как правило, все новое в комнате связано с Капитаном. Сегодня у него на столе чертежи, которых раньше не было. Это что-то новое, значит об этом надо подумать.

Учитель очень любил новое. Он присел к столу Капитана и принялся рассматривать чертежи.

«Увлечение продолжается, — подумал он. — Теперь кислородный обогатитель. Мальчики здорово увлеклись Венерой». Он встал и заглянул под подушку Поля. Там лежало «Введение в эксплуатацию атмосферогенных установок». «Введение» было основательно зачитано. Учитель задумчиво перелистал страницы и положил книгу на место.

«Даже Поль? — подумал он. — Странно».

Затем он увидел, что на столе Лина нет боксерских перчаток, которые валялись там изо дня в день в течение двух последних лет. Над кроватью Капитана не было фотографии Горбовского в вакуум-скафандре, а стол Сидорова был пуст.

Учитель понял все. Он понял, что они хотят удрать, и понял, куда они хотят удрать. Он понял даже, когда они хотят удрать. Фотографии нет — значит она в рюкзаке Капитана. Значит, рюкзак уже собран. Значит, они уходят завтра утром, пораньше. Капитан любит делать все обстоятельно и никогда не откладывает на завтра то, что можно сделать сегодня. Кстати, рюкзак Поля наверняка еще не готов: Поль предпочитает все делать «позавтра». Значит, они уходят завтра и уходят через окно, чтобы не беспокоить дежурного. Они очень не любят беспокоить дежурного.

Так... Значит, надо думать. Учитель помрачнел и повеселел одновременно.

Из душевой выкатился Поль в одних трусах, увидел наставника и прошелся колесом.

— Неплохо, Поль! — воскликнул тот. — Но не гни ноги, мальчик.

Экипаж «Галактиона» ворвался в комнату. Учитель смотрел на них и думал... ничего не думал. Он очень любил их. Он всегда любил их. Всех, кого вырастил и выпустил в Большой Мир. Их было много, и лучше всех были эти. Потому что они были сейчас.

нависла над туманностями Андромеды, Месье 33 и другими. Так прошел год.

И вдруг экипаж «Галактиона» как-то сразу осознал — узнал он об этом гораздо раньше, — что в мире наибольшим почетом пользуются, как это ни странно, не космолетчики, не глубоководники и даже не таинственные покорители чудовищ — зоопсихологи, а врачи и учителя. В частности выяснилось, что в Мировом Совете — шестьдесят процентов учителей и врачей. Что учителей все время не хватает, а космолетчиками хоть пруд пруди. Что не будь врачей, плохо бы пришлось глубоководникам, а отнюдь не наоборот. Все эти и многие другие того же рода разрушительные сведения были доведены до сознания экипажа ужасающе будничным образом — на самом обыкновенном телевизионном уроке по экономике. И — что самое страшное — не были опровергнуты учителем.

атмосферного покрова Венеры с целью ее дальнейшей колонизации. Мировой Совет рассмотрел проект и одобрил его. Очередь была за пустынями Венеры, большой страшной планеты, которую надо было сделать Второй Землей. Мир взрослых взялся за дело — строились новые машины, аккумулировались мощности, население Венеры стремительно росло. А в 18-й комнате Аньюдинской школы под любопытствующими взорами экипажа капитан «Галактиона» лихорадочно работал над проектом плана «Октябрь», сулящего невиданный размах идей и выход из тяжелого кризиса.

Проект был закончен через три часа после опубликования призыва Мирового Совета и представлен на рассмотрение экипажа.

План «Октябрь» поражал краткостью и насыщенностью информацией:

1) За четыре декады изучить производ-

Они стояли и смотрели на него так, как ему хотелось. Почти так.

— Ка те те у эс те ха де,— просигналил учитель. Это означало: «Экипажу «Галактиона». Вижу вас хорошо. Нет ли пыли по курсу?».

— Те те ку у зе це,— вразноголосицу ответил экипаж. Они тоже видели хорошо, и пыли по курсу почти не было.

— Облачитесь! — скомандовал учитель и устоялся на свой хронометр.

Облачение длилось 39 секунд с десятичными, последним облачился Лин. Потом все сели кто куда, и учитель сказал:

— Литература, география, алгебра, труд. Так?

— И еще немножко физкультуры,— добавил Сидоров.

— Несомненно,— сказал учитель.— Это видно по твоему опухшему носу.

— Итак, литература. Капитан Комов, как поживает твоё сочинение?

— Я написал про Горбовского,— сказал Генка и полез в свой стол.

— Чудесная тема, мальчик! — сказал учитель.— Будет очень хорошо, если ты справишься с ней.

— Ничего он с ней не справился,— заявил Сидоров.— Он считает, что в Горбовском главное — умение.

— А ты что считаешь?

— А я считаю, что в Горбовском главное — смелость, отвага.

— Ты не прав. Смелых людей очень много. Среди космонавтов вообще нет трусливых. Но десантников, особенно таких, как Горбовский, — единицы... А что написал ты?

— Я написал про доктора Мбога,— сказал Сидоров.

— Откуда ты узнал о нем?

— Я дал ему книжку про летающих пиявок,— объяснил Поль.

— Отлично, мальчики! Все прочли эту книгу?

— Все.

— Кому она не понравилась?

— Всем понравилась,— сказал Поль с гордостью.— Я выкопал ее в библиотеке.

Он, конечно, забыл, что рекомендовал ему эту книгу учитель. Он всегда забывал такие мелочи, он очень любил «открывать» книги. И очень любил гласность.

— Молодец, Поль. И ты, конечно, тоже написал о докторе Мбога?

— Я написал стихи!

— Ого! И тебе не страшно?

— А чего бояться? — сказал Поль небрежно.— Я читал их Сидорову. Он ругал только по мелочам. Так... чуть-чуть.

Учитель с сомнением посмотрел на Сидорова.

— Гм. Насколько я знаю Мишу, он редко отвлекается на мелочи. Посмотрим, посмотрим... А ты, Саша?

Тот молча сунул учителю толстую тетрадь. На обложке сияла чудовищная клякса.

— Званцев,— объяснил он.— Океанолог.

— Ну, славно,— сказал учитель и сложил тетради вместе.— Я прочту и подумаю. Поговорим об этом завтра...

Он сразу пожалел, что сказал это. Капитана так и перекосило при слове «завтра». Мальчику очень противно лгать и притворяться. Не надо их мучить, следует быть осторожнее в выражениях. Мучить их не за то, они же не задумали ничего плохого. Им даже ничего не грозит: их не пустят дальше Аньюдина. Но им придется вернуться, а вот это — по-настоящему неприятно. Вся школа будет смеяться над ними. Ребятишки иногда бывают злы, особенно в таких вот случаях, когда их товарищи вообразят, что могут сделать то, чего не могут все. Он подумал о великих насмешниках из 20-й и 72-й...

— Кстати, об алгебре,— сказал он. Экипаж улыбнулся. Экипаж очень любил это «кстати».

— В мое время лекции по истории математики читал один очень забавный преподаватель. Он становился у доски,— учитель стал показывать,— и начинал: «Еще древние гре-

ки знали, что $(a+b)^2$ равно a^2 , плюс $2ab$, плюс... — Учитель заглянул в воображаемые лекции, — плюс... э-э-э... b^2 ...»

Экипаж залился смехом. Матерые космонавтики самозабвенно глядели на учителя. Этот человек казался им великим и простым, как мир.

— А теперь смотрите, какие любопытнейшие вещи происходят иногда с $(a+b)^2$, — сказал учитель и сел, и все столпились вокруг него.

Начиналось то, без чего ребята из 18-й уже не могли жить, а учитель не захотел бы — приключения чисел в Пространстве и Времени. Ошибка в коэффициенте сбивала корабль с курса и кидала его в черную бездну, откуда нет возврата человеку, поставившему плюс вместо минуса перед радикалом; громоздкий ужасающего вида полином разлагался на необычайно простые множители, и Лин огорченно кричал: «Где были мои глаза? Как просто-то!...»; звучали старинные торжественно-смешные строфы Кардано, описавшего в стихах свой способ решения кубических уравнений; вставала из глубины веков загадочная история великой теоремы Ферма...

Тенин сказал:

— Хорошо, мальчики. Теперь я вижу: если вы сведете все ваши жизненные проблемы к полиномам, они будут решены. Хотя бы приблизительно...

— Хотел бы я свести их к полиномам,— вырвалось у Поля, который вдруг вспомнил, что завтра его здесь не будет и с учителем придется расстаться, может быть, навсегда.

— Я тебя понимаю, товарищ ВМ-оператор,— ласково сказал учитель.— Самое трудное — правильно поставить вопрос. Остальное сделают за вас шесть веков развития математики... А иногда можно обойтись и без математики.— Он помолчал.— А что, мальчики, не расстаться ли нам в «четыре-один»?

Экипаж взвыл и кинулся вон из комнаты, потому что для сражения в «четыре-один» нужен простор и мягкая почва под ногами.

«Четыре-один» игра тонкая, требующая большого ума и отличного знания старинных приемов самбо. Ребята здорово вспотели, а учитель разорвал куртку и поцарапался. По-

том все сели под сосной на песок и принялись отдыхать.

— Такая вот царапина,— сообщил учитель, рассматривая ладонь,— на Пандоре вызвала бы аварийный сигнал. Меня бы изолировали в медотсеке и утопили в вирусософах.

— А если бы вас кусанул за руку ракап-ук? — сладко замирая, спросил Поль.

Учитель посмотрел на него:

— Ракапук кусает не так. Ему руку в пасть не клади. Между прочим, сейчас профессор Карпенко работает над интереснейшей вещью, по сравнению с которой все вирусософы — детская игра. Вы слышали про биоблокаду?

— Расскажите! — Экипаж наострил уши. Учитель стал рассказывать про биоблокаду. Ребята слушали так, что Тенину было жалко — мир слишком велик и нельзя рассказать им сейчас же обо всем, что известно и что неизвестно. Они слушали не шевелясь. И все было бы очень хорошо, но он помнил, что рюкзаки Капитана собран, и знал, что Комов — уж он-то во всяком случае? — тоже помнит это.

«Как их остановить?» — думал Тенин...

Один хороший путь был. По крайней мере, один. Но для этого нужны ночь и несколько книг по регенерации атмосфер, и полный проект «Венера», и две таблетки спорамина, чтобы выдержать эту ночь... Нужно, чтобы мальчики не ушли сегодня ночью. Даже не ночью — вечером, потому что Капитан экипажа умен и многое видит: видит, что учитель кое-что понял, а может быть, понял все.

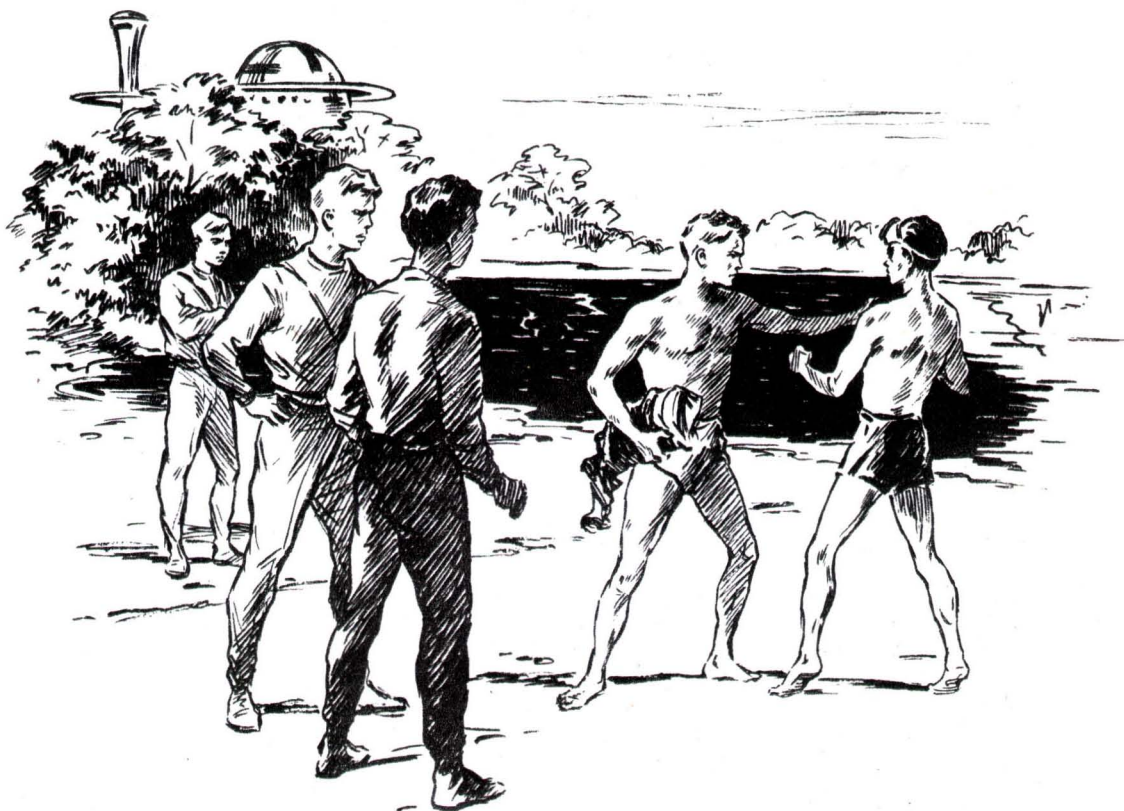
«Пусть не ночь, — думал учитель. — Пусть только четыре-пять часов. Задержать их и занять на это время. Как?»

— Кстати, о любви к ближнему,— сказал он, и экипаж снова порадовался этому «кстати».— Как называется человек, который обижает слабого?

— Тунеядцем,— быстро сказал Лин. Он не мог выразиться резче.

— Трусить, лгать и нападать,— проговорил Сидоров.— Почему вы спрашиваете, учитель? С нами этого не бывало и не будет.

— Да. Но в школе это случается... иногда...

— Кто? — Поль подскочил. — Скажите, кто?

Учитель колебался. То, что он собирался сделать, было в общем дурно. Вмешивать мальчишек в такое дело, значит многим рисковать. Они слишком горячи и могут все испортить. И учитель Шайн будет вправе сказать что-нибудь малоприятное в адрес учителя Тенина. Но их надо остановить и...

— Вальтер Саронян, — сказал учитель медленно. — Я слышал об этом краем уха, мальчики. Это все надо тщательно проверить.

— Мы проверим, — сказал Поль, недобро щурясь. — Мы будем очень тщательны...

Сидоров переглядывался с Капитаном. Бедный Вальтер!..

— Поговорим о вулканах, — предложил учитель и подумал: трудновато будет говорить о вулканах. Но это, кажется, единственное, чем можно задержать их до темноты. Бедный Вальтер! Да, они проверят все очень тщательно, потому что Капитан очень не любит ошибаться. Потом они будут искать Вальтера. Все это потребует много времени. Трудно найти четырнадцатилетнего паренька после ужина в парке, занимающем четыреста гектаров. Они не уйдут до вечера. Я выиграл свои пять часов, и... о бедная моя голова! Как вместишь ты четыре книги и проект в шестьсот страниц!..

И учитель Тенин принялся рассказывать, как в восемьдесят втором году ему случилось принять участие в замирении вулкана Стромболи.

* * *

Вальтер Саронян был настигнут в парке у пруда. Это было в одном из самых дальних уголков парка, куда рискнет забраться не всякий малыш, и поэтому о существовании пруда знали немногие. Пруд был проточный, с темной глубокой водой, где между длинными зелеными плетями кувшинок, тянувшимися со дна, стояли, шевеля плавниками, большие желтые рыбы.

Вальтер Саронян был гол, если не считать маски для ныряния. В руках у него был пневматический пистолет, стреляющий зазубренным прутком, на ногах — красно-синие ласты. Он обсыхал, задрал маску на лоб.

— Для начала сделаем его мокрым, — прошептал Поль.

Капитан кивнул. Поль затрещал кустами и глухо кашлянул басом. Вальтер сделал именно то, что сделал бы каждый из них на его месте. Он надвинул маску на лицо и, не теряя времени, прыгнул в воду без малейшего плеска. По темной поверхности прошли медленные волны, листья кувшинок плавно поднялись и опустились несколько раз.

— Не плохо сделано, — заметил Лин, и все четверо вышли из кустов и стали на берегу, глядя в темную воду.

— Он ныряет лучше меня, — проворчал Поль, — но не хотел бы я сейчас поменяться с ним местами.

Они сели на берегу. Волны ушли, листья кувшинок успокоились. Низкое солнце светило сквозь сосны. Было немножко душно и тихо.

— Кто будет говорить? — осведомился Сидоров.

— Дайте его мне, — сказал Поль.

Угрюмый Капитан кивнул. Все это ему не нравилось. Близились ночь, и ничего еще не было готово. Сегодня уйти не удастся, это ясно. Потом он вспомнил добрые глаза учителя, и ему совсем расхотелось уходить. Учитель как-то сказал им: «Все самое плохое в человеке начинается со лжи».

— Вот он! — пробасил Лин. — Плывет.

Они сидели полукругом у самой воды и ждали. Вальтер плыл очень красиво и легко.

— Привет восемнадцатой! — сказал он, вылезая из воды. — Здорово вы меня обвели... — Он остановился по колено в воде и принялся ладонями обтирать тело.

Поль начал:

— Поздравляем тебя с шестнадцатилетием, — ласково сказал он.

Вальтер снял маску и вытаращил глаза.

— Что?

— Поздравляем тебя с шестнадцатилетием, дружок, — повторил Поль еще ласковее.

— Что-то я тебя плохо понимаю, Поль, — Вальтер улыбнулся несколько принужденно. — Ты всегда так умно говоришь...

— Верно, я умнее тебя. Кроме того, я гораздо больше читаю. Итак?

— Что — итак?

— Ты не сказал «спасибо», — пояснил Сидоров. — А ведь мы пришли тебя поздравить.

— Да что вы, ребята! — Вальтер переводил взгляд с одного на другого, силясь понять, что им надо. Совесть его была нечиста, и он начинал опасаться. — Какие-то поздравления... У меня день рождения месяц назад был, и не шестнадцать, а четырнадцать...

— Как так? — Поль очень удивился. — Тогда я не понимаю, при чем здесь маска?

— И ласты, — добавил Сидоров.

— И пистолет, который ты спрятал под тем берегом, — сказал Лин, поступавший так же неоднократно.

— Четырнадцатилетние не лезут под воду в одиночку, — сердито сказал Капитан.

— Подумаешь! — Вальтер преисполнился презрения. — Уж не пойдете ли вы к моему учителю?

— Какой дурной мальчик! — воскликнул Поль, поворачиваясь к Генке Комову. Капитан не отрицал. — Он хочет сказать, что донес бы, если бы поймал меня в таком виде. А? Он не просто нарушитель, он...

— Нарушитель, нарушитель... — проворчал Вальтер. — Сами вы, что ли, не охотились... Подумаешь, подстрелил пару рыб...

— Да, мы охотимся, — сказал Сидоров. — Но всегда вчетвером. И никогда в одиночку. И всегда говорим об этом учителю. И он верит нам...

— Ты лжешь своему учителю, — сказал Поль. — Значит, ты можешь солгать кому угодно, Вальтер. Но мне нравится, что ты оправдываешься!

Капитан зажмурился. Старая добрая формула — она резала его на части сейчас: «Лжешь учителю — солжешь кому угодно». Зря мы ввязались в это дело с Вальтером. Зря. Мы не имеем права...

Вальтеру было очень неудобно. Он проговорил просительно:

— Дайте мне одеться, ребята... Холодно. И... ведь это же не ваше дело. Это дело мое и моего учителя. Верно ведь, Капитан?

Капитан разлепил губы:

— Он прав, Поль. И он уже готов: он оправдывается.

Поль важно согласился:

— О да, он готов. Совесть его трепещет.

— Тихо! — сказал Сидоров. — Не торопись. Это была пре-ам-бу-ла. А теперь начнется амбула.

— Дайте мне, — сказал Лин, поднимаясь.

— Нет, нет, Лин, — сказал Поль. — Не надо. Это грубо. Он не поймет.

— Поймет, — пообещал Лин. — У меня поймет.

Вальтер резво прыгнул в воду.

— Вчетвером на одного! — крикнул он. — Эх вы! Со-о-весты!

Поль подскочил от ярости.

— Вчетвером!? — завопил он. — Валька-малек был вчетверо слабее тебя! Нет — впятеро, вшестеро! А ты лупил его по шее! Мог бы найти Лина или Капитана, если у тебя чесались руки...

Вальтер был бледен. Маску он нацепил, но еще не опустил на лицо и теперь растерянно озирался, ища выхода. Ему было холодно. И ему было плохо — он понял, в чем дело.

— Стыдно, Вальтер! — сказал с укором Сидоров. — По-моему, ты трусишь. Стыдно. Выйди. Ты будешь драться со всеми по очереди.

Вальтер поколебался и вышел. Он знал, что это такое — драться с восемнадцатой, но он все-таки вышел и принял стойку. Он чувствовал, что расплачиваться за избивание мальчика придется, и знал, что это лучший способ расплатиться. Сидоров неторопливо потащил рубашку через голову.

— Пойдите! — завопил Поль. — Останутся синяки! У нас есть и другое дело!

— Это верно, — сказал Сидоров и задумался.

— Пустите меня, — попросил Лин. — Я буду краток.

— Нет! — Поль быстро раздевался. — Вальтер! Ты помнишь, что самое дрянное на свете? Я напому тебе: трусить, врать и нападать. Слава богу, ты не трус, но остальное ты забыл. А я хочу, чтобы ты запомнил это накрепко.

Он собрал одежду Вальтера, лежащую в кустах и прыгнул в воду. Вальтер проводил его беспомощным взглядом, а Сидоров запрыгал по берегу от восторга.

— Поль! — закричал он. — Поль, ты гений!

Капитан хмуро следил за Полем, плывущим по-собачьи. Поль создавал массу шума и оставлял за собой пенистый след. Да, он хитроумен как всегда. Тот берег зарос жуткой крапивой, и голый Вальтер будет искать там свои штаны и прочее. Искать в темноте, потому что солнце заходит. Так ему и надо, но кто накажет нас? Мы совсем не ангелы, мы лжем. Это немногим лучше, чем нападение.

Поль возвращался. Он, задыхаясь и плюясь вылез на берег и сразу заговорил:

— Вот, Вальтер! Иди и оденься, плаваю я хуже тебя и ныряю хуже, но я не хотел бы поменяться с тобой местами сейчас!

Вальтер не смотрел на него. Он молча надвинул маску на лицо и вошел в теплую, парную воду. Впереди был берег, заросший огромной крапивой.

— Запомни, ты! — крикнул Поль вслед. — Трусить, лгать и нападать! Нападать на слабого... Нет хуже этого!.. Крапива помогает при плохой памяти...

— Да, — сказал Сидоров. — Раньше ею пороли. Одевайся, Поль, простудишься...

Было слышно, как на том берегу Вальтер, шипя от боли сквозь зубы, ворочается в зарослях.

* * *

Когда они вернулись к себе в 18-ю, был уже поздний вечер, потому что после расправы с Сароняном Лин предложил сыграть в Пандору, и в Пандору было сыграно с большим вкусом. Сидоров, Лин и Капитан были охотниками, Поль — гигантским ракопауком, а парк — джунглями Пандоры, непроходимыми, болотистыми и жуткими. Подвернувшаяся кстати Луна изображала ЕН-9 — одно из солнц Пандоры. Играли до тех пор, пока гигантский ракопаяк, бросившись с дерева на охотника Лина, не разорвал во всю длину свои штаны из сверхпрочного тетраканэтилена. Тогда пришлось идти домой.

Они ворвались в 18-ю с большим шумом и увидели учителя, сидевшего за столом с книгой в руках.

— А я штаны распорол! — растерянно сообщил Поль. Сказать «доброй вечер» он, конечно, забыл.

— Неужели?! — восхитился учитель. — Тетраканэтиленовые?.. Мальчики, а ведь я не знаю, как их чинить!

Экипаж хором заорал. Они все знали — как. Они все жаждали показать, рассказать и починить.

— Давайте, — согласился учитель. — Только штурман не будет чинить штаны, он будет чинить систему прозрачности. Судьба к нему жестока.

Все занялись делом. Капитан тоже занялся делом. Ему почему-то стало весело. «Завтра не уйти, — думал он. — Пока соберемся...» Идея побега уже не казалась ему такой привлекательной, но не пропадать же знаниям, накопленным за четыре декады.

— ...Есть проблемы замечательные и важные, — рассказывал учитель, ловко орудуя высокочастотной насадкой, — есть проблемы великие, как мир. Но есть еще проблемки небольшие, но на редкость увлекательные. На днях я прочел одну старую-старую книгу,

очень интересную. Там было, в частности, сказано, что до сих пор не решена до конца загадка «блуждающих огней». Знаете — на болотах?

— Почему?

— Дело в том, что очень трудно поймать такой «огонек». Лепель пытался построить киберсистему для охоты за огнями, но у него ничего не вышло...

У учителя Тенина невыносимо болела голова. За последние четыре часа он прочел и усвоил четыре книги по регенерации атмосфер, а проект «Венера» выучил наизусть. Для этого пришлось прибегнуть к гипноизлучателю, а после гипноизлучателя надо обязательно лечь и хорошенько выспаться. Но хорошенько выспаться не придется. Может быть, и не следовало так перегружать мозг, но учитель не хотел рисковать. Он должен был знать о Венере и о проекте в десять раз больше, чем вся четверка вместе взятая, иначе не стоило и возиться.

Он ждал момента перейти к главному и рассказывал об охоте за блуждающими огнями, и видел, как широко раскрываются ребячьи глаза. В них бьется и клокочет пламя великой фантазии, и ему было как всегда удивительно хорошо и радостно видеть это, хотя голова раскалывалась на части...

...А мальчишки уже шли по хлюпающей трясине в настоящих болотных сапогах, и вокруг была ночь и тьма, и туман, и таинственные заросли, и из чрева болота вырывались облака отвратительных испарений, и было очень опасно, и страшно, и нужно было не бояться. Впереди маячили синеватые языки блуждающих огней, загадку которых надо было позарез — теперь это совершенно ясно — раскрыть, и на груди у каждого из охотников висел миниатюрный пульт, управляющий верными ловкими киберами, ковыляющими по трясине. А киберов этих следовало придумать, и поскорее, и непременно, а то скоро осушат последние болота и придется остаться с носом...

К тому моменту, когда штаны и система прозрачности были приведены в порядок, они больше никого не интересовали. Поль задумал поэму «Блуждающие Огни» и, натягивая штаны, бормотал уже вылившуюся у него строку: «Гляди — в тени болотные огни». Капитан и Сидоров обдумывали проект болотного кибера, годного для скоростных перемещений по топкой местности. Лин просто сидел, раскрыв рот, и думал: «Где были мои глаза?». Он твердо решил провести остаток жизни на болотах.

Учитель подумал: «Пора. Только не заставлять их лгать и притворяться. Вперед, Тенин!». И он начал:

— Кстати, капитан Комов. Что это за уродливая схема? — Он ткнул пальцем в чертеж обогатителя. — Ты меня огорчаешь, мальчик. Замыслил хорошо, но выполнение на редкость неудачно!..

Капитан вспыхнул и кинулся в бой...

* * *

В полночь учитель Тенин вышел в парк и остановился возле своего птерокара. Огромный плоский блок школы лежал перед ним. Все окна первого этажа были темными, а наверху кое-где горели огни. Горели в 20-й, где сейчас пятерка знаменитых насмешников беседовала, наверное, со своим учителем, Сергеем Такмаковым, в прошлом врачом. Горели в 107-й — там металась тень, и было ясно, что кто-то кого-то лупит подушкой. Горели во многих комнатах самых старших — там решались проблемы поважнее блуждающих огней и способов починки порванных штанов. И горели в 18-й...

Учитель забрался в кабину птерокара и стал смотреть на знакомое окно. Голова раскалывалась. Хотелось лечь и закрыть глаза, и положить на лоб что-нибудь холодное и тяжелое. «Мальчишки вы мои, — подумал он. — Неужели я вас не остановил? Ах, как это трудно, как тяжело, и не всегда уверен, прав ли ты...

Свет в 18-й погас. Значит, можно идти и спать. Спать хочется, но жалко. Я, наверное, не все им сказал, что мог бы и что стоило. Нет, все. Скорей бы утро. Паршивые мальчишки!». Учитель Тенин улыбнулся и включил мотор.

...В 18-й комнате, мужественно борясь со сном, Капитан произносил речь. Экипаж безмолвствовал.

— Выговор всем! Чем вы занимались сорок дней? А ты, Лин? Позор! Ни одного толкового ответа...

Сидоров, Стругацкие А и Б, прозрачности, пробормотал...

— Да не... нас пилить! Сам хороши... четыре никуда...

— Как з... — Не сп...

Если Сид... тал, значит так оно и... капитан за... и поплыли... «Октябрь».

Никто ничего не понял и почему не научился. Сколько же нужно зубрить про атмосферные агрегаты, провались они пропадом? Никуда мы не годимся. «Великие колонисты» из 18-й комнаты... Тыфу! Но Вальтер получил хорошо. Не добавит ли ему? Нет, хватит с него. И вообще хватит ерундой заниматься. Надо подумать о блуждающих огнях.

...Капитан шел, утопая в болоте, вместе с Сидоровым и с Лином, и с Полем, у которого были драные штаны. В дымящихся испарениях мелькали юркие киберы, которые надо было еще придумать...

